

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*И.В. СТАРОДУБРОВСКАЯ***Как бороться с радикализмом молодежи на Северном Кавказе?***

Статья посвящена вопросам противодействия исламской радикализации молодежи на Северном Кавказе. На основе анализа, проведенного на базе масштабных полевых исследований, делается вывод, что приверженность молодежи в этом регионе исламскому фундаментализму не есть результат воздействия извне. Она порождается внутренней структурой общества, переживающего процессы социальной модернизации. Однако реальную угрозу представляет не исламский фундаментализм в целом, который чрезвычайно разнороден, а его агрессивная политическая разновидность – джихадизм. Государство не может путем поддержки традиционного ислама искоренить привлекательность фундаменталистских взглядов, но может активно влиять на выбор, который делает молодежь между его более умеренными и более радикальными разновидностями. Трансформация государственной политики в этой сфере должна ориентироваться именно на решение данной задачи.

Ключевые слова: исламский фундаментализм, исланизм, джихадизм, anomia, межпоколенческий конфликт, спираль (замкнутый круг) насилия.

Правильный диагноз

Общеизвестно, что молодежь на Северном Кавказе более подвержена радикальным настроениям, чем в других российских регионах. Причем этот радикализм доходит до крайних форм – участие в насильственных действиях, вооруженное сопротивление, самоподрывы. Выявление причин подобной ситуации, очевидно, выступают необходимой предпосылкой успешного противодействия радикализации. Чрезвычайно популярны сейчас объяснения, связанные с некоей психической патологией либо результатами психологического воздействия, отключающего способность разумно мыслить. Версия о психологическом зомбировании через Интернет в последнее время не только присутствует в бытовых разговорах, но и рассматривается на научных форумах. Распространенность подобных трактовок, скорее всего, объясняется тем, что характерное для радикалов поведение непонятно не только среднестатистическому россиянину, но и не очень знакомому со спецификой Северного Кавказа эксперту, выходя за их представления о нормальности.

* Статья подготовлена по материалам научно-исследовательской разработки 2014 г. “Социальные корни терроризма на Северном Кавказе” Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

Стародубровская Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, руководитель научного направления “Политическая экономика и региональное развитие” Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара. Адрес: Газетный пер., д. 3, корп. 5, Москва, 125009. E-mail: irinas@iet.ru.

Другой вариант объяснения связывает радикализм непосредственно со спецификой ислама. Причем здесь можно выделить две версии: либо считается, что ислам сам по себе агрессивен и несет потенциал насилия (собственно, на этом и строится идея столкновения цивилизаций; либо говорится, что “правильный” ислам – мирная религия, но из-за рубежа в наш социум сознательно привносится неправильный, искаженный ислам ваххабитского толка, от которого и происходят все беды, связанные с радикализмом молодежи на Северном Кавказе.

Наконец, в модель стараются включить и социально-экономические факторы. Считается, что депрессивность северокавказской экономики, массовая бедность и безработица способствуют тому, что не имеющая постоянного занятия молодежь от безделья и неустроенности оказывается подверженной радикальным идеологиям.

В целом можно сказать, что общепринятое объяснение строится по следующей нехитрой формуле: **ислам + ваххабитские зарубежные проповедники + неустроенность молодежи + технологии психологического зомбирования = радикализация северокавказской молодежи**. Могут варьироваться удельные веса разных элементов, но общий подход сохраняется.

Однако подобная конструкция не выдерживает ни теста на внутреннюю логику, ни проверки фактами. С точки зрения фактов, противоречия связаны с двумя моментами. Во-первых, как уже неоднократно приходилось доказывать, представления о массовой безработице и бедности на Северном Кавказе – отчасти миф. Во многих северокавказских регионах активно развивается малый и средний бизнес, однако он в ряде случаев носит теневой характер и не отражается в официальной экономической статистике. Более того, если посмотреть на территории, ставшие (или бывшие) центрами радикализма, то там встречаются наиболее богатые села. Вообще, если попробовать составить портрет села, где с наибольшей вероятностью возникает религиозный раскол, то он будет весьма далек от картины бедной деревушки с покосившимися домишками. Скорее, это достаточно закрытое от внешнего мира (чужаков не любят, семьи стремятся создавать среди своих) зажиточное село, где еще в советское время развивалась теневая экономика, жители активно заняты бизнесом, молодежь с раннего возраста втягивается в предпринимательство. Так что факторы депрессивности экономики и неустроенности молодежи по меньшей мере недостаточны для того, чтобы объяснить сложность ситуации.

Во-вторых, не оправдывает себя идея, что радикализация и насилие имеют своим источником исламскую идеологию. Хотя бы потому, что явления, обычно однозначно ассоциируемые с исламом, на самом деле существуют и в рамках протестных движений на основе совершенно других идеологий. Наиболее очевидный пример здесь – террористы-смертники. Популярное объяснение распространенности этого явления состоит в том, что по исламу воин джихада после смерти попадает в рай, и тем самым радикальная исламская молодежь осознанно готова погибнуть таким ужасным способом для достижения вечного блаженства. Однако самоподрывы – отнюдь не изобретение исламского джихада. Наиболее активно эту практику использовали “Тигры освобождения Тамил-Илама” в Шри-Ланке, массово превращая в смертников детей и подростков (средний возраст – менее 15 лет), причем и юношей, и девушек. Данная тактика использовалась этим движением с 1987 г., и в период до февраля 2002 г. было совершено 170 самоподрывов [Merari 2007, p. 73]. “Тигры” не имели отношения к исламской идеологии, это было сепаратистское левачье движение, боровшееся за создание социалистического государства [Reinares 2007, p. 122].

В рамках предлагаемой логики также сложно объяснить, почему радикализация молодежи происходит по-разному как в различных северокавказских республиках, так и на Северном Кавказе, с одной стороны, и на других территориях широкого распространения ислама (например, в Поволжье) – с другой. Почему в соседних республиках Кабардино-Балкарской (КБР) и Карачаево-Черкесской (КЧР), которые можно считать если уж не близнецами, то двойняшками, настолько разная ситуация с радикализацией молодежи? В КЧР положение, можно сказать, для северокавказских условий аномаль-

но спокойное, тогда как в КБР с начала 2000-х гг. проблема радикализма не сходит с повестки дня. И почему, хотя данная проблема есть и в Дагестане, и в Татарстане, в первом случае она во многом определяет общую ситуацию с молодежью в республике, а во втором – характерна лишь для узкого спектра городских и сельских жителей? Можно, конечно, придумывать теории заговора и конструировать геополитические приоритеты наших предполагаемых противников, но это явно выход за рамки научной картины мира. Здесь я, оставаясь в рамках науки, постараюсь объяснить проблемы исламского радикализма не конспирологией, а структурой изучаемого общества¹.

Итак, в постсоветский период Северный Кавказ, особенно его восточная часть, вступил в период интенсивной ломки традиционных для данного региона общественных отношений, спровоцированной процессами урбанизации и глобализации, причем тут эти процессы начались раньше и проходили более сглажено. Из социологической теории известно, что урбанизация приводит к явлению, которое Э. Дюркгейм назвал *аномией* (безнормие, беззаконие). Эта ситуация возникает, когда старые, традиционные общественные регуляторы уже не действуют, а новые, характерные для городской жизни, еще не сложились. То есть в обществе фактически отсутствуют нормы, структурирующие отношения между людьми. Подобное положение приводит к многочисленным последствиям, резко увеличивающим вероятность конфликтов. Во-первых, существенно усиливается неопределенность в отношениях между членами общества, любые контакты за пределами узкого круга близких (а иногда и в его рамках) могут иметь непредсказуемые последствия и нести плохо калькулируемые риски. В результате окружающая среда воспринимается как агрессивная и враждебная, причем даже не всегда очевидно, где проходит водораздел “свой–чужой”.

Во-вторых, основанные на уже не действующих нормах жизненные модели предков перестают “работать”. Более того, они мешают молодому поколению путем эксперимента и адаптации вырабатывать собственные рецепты выживания и достижения успеха в новых условиях. Тем самым закладывается база для межпоколенческого конфликта.

В-третьих, в условиях разрушения традиционной социальной стратификации, традиционных моральных норм и авторитетов единственным критерием успеха становится материальное богатство вне зависимости от того, каким путем оно было нажито. Это вызывает неизбежный протест у молодежи, особенно в тех случаях, когда она чувствует перекрытость для себя вертикальных лифтов и невозможность преодолеть разрыв с теми, кто имеют лучшие “стартовые возможности” (см. подробнее [Стародубровская, Казенин 2014]).

Аномия для людей чрезвычайно некомфортна. Она, “...освобождая желания от всякого ограничения, широко открывает дверь иллюзиям, а следовательно, и разочарованию. Человек, внезапно вырванный из тех условий, к которым он привык, не может не впасть в отчаяние, чувствуя, что из-под ног его ускользает та почва, хозяином которой он себя считал... Нарушение всех его привычек вызывает в нем раздражение, которое ищет исхода в каком-нибудь разрушительном поступке” [Дюркгейм 1994, с. 273]. В таких условиях естественным образом возникает запрос на поиск “точки опоры”, на привнесение извне системы правил и норм, которая в обычной ситуации предоставляется членам социума в готовом виде, доставаясь в наследство от предшествующих поколений. Одним из наиболее естественных внешних источников подобной системы выступает идеология нетрадиционного ислама (терминологически правильнее – **исламского фундаментализма**), которая отвечает указанному запросу наилучшим образом.

Эта идеология жестко детерминирует поведение верующего в самых мелких деталях, создавая ощущение устойчивости и определенности. “Ислам – это не рели-

¹ Моя дальнейшая аргументация строится на основе анализа результатов полевых исследований, проводившихся в трех северокавказских республиках – КБР, КЧР и Дагестане в 2013–2014 гг. Всего было проведено примерно 70 индивидуальных и групповых интервью с приверженцами исламского фундаментализма, в подавляющем большинстве мужчинами в возрасте 25–40 лет.

гия, это образ жизни, который отвечает на все положения человека, то есть это единственная религия, которая начиная вплоть до того, как для человека правильно сходить в туалет, как ему правильно умыться, заканчивая всеми принципами, человек находит там ответы”. Кроме того, в ней четко определены нормы взаимоотношений между людьми, что резко снижает неопределенность взаимодействия хотя бы в кругу единоверцев: *“Мне легко работать с мусульманами в каком плане – мне их не надо контролировать. Потому что если человек богобоязненный, он знает, что Всевышний все видит, и он ничего не скроет, не сможет скрыть. Я доверяю. У меня нет там проблем, что я деньги не оставляю”*.

Ислам обеспечивает снижение неопределенности еще в одном, очень важном аспекте. Жизнь человека на Северном Кавказе подвержена многообразным рискам, которые в целом существенно выше, чем в других российских регионах: насильственная смерть, отсутствие необходимой медицинской помощи, силовое давление. В этих условиях люди страшатся строить долгосрочные планы, с раннего возраста всерьез озабочены проблемами жизни вечной. *“Нужно думать о том, что будет на том свете, после этой жизни, а не через десять лет... Может, ты завтра умрешь, зачем думать через десять лет”*; *“Не надо думать о будущем... Может, ты через час умрешь, может, приступ станет, может, тебя застрелят”*, – вот характерные мнения респондентов.

Ислам же дает уверенность, что тот, кто исполняет все религиозные заповеди, обязательно попадет в рай (в этом состоит своеобразный “контракт” со Всевышним, гарантированный в условиях, когда нет механизмов обеспечения гарантий всех других видов “контрактов”), и это создает у человека ощущение стабильности, которого не обеспечивает текущая жизнь. Такую позицию неоднократно приходилось слышать от собеседников на Северном Кавказе.

Эта идеология позволяет также легитимизировать межпоколенческий конфликт, противопоставляя авторитету отца – главного в семье, авторитет Бога: *“...если брат отцовское слово и слово Всевышнего, то выше слова Всевышнего”*. Исламский фундаментализм не предполагает и однозначного подчинения “старшему” – шейху, имаму – в вопросах религии, создавая для молодого поколения более широкое поле для самостоятельного поиска ценностей и смыслов, но при этом разрушая рамки, препятствующие радикализации. Степень самостоятельности может трактоваться по-разному: от умеренного варианта сопоставления аргументации различных религиозных авторитетов и выбора наиболее убедительной точки зрения до отторжения каких-либо авторитетов в данной сфере: *“Каждый мусульманин должен искать истину. Пророк есть, вот он пускай будет моим шейхом. А остальные – обычные люди”*.

При этом на смену прошлым локальным, партикулярным связям в рамках семьи, рода, этноса, так или иначе поддерживающим поколенческие иерархии, в качестве доминанты приходит единение в масштабах мировой исламской уммы, не предполагающее межпоколенческую солидарность как обязательный конституирующий элемент. Что особенно важно, в отличие от многих других сообществ, обеспечивающих групповую солидарность на Северном Кавказе, исламское сообщество имеет очень низкие “барьеры входа”, к нему могут примкнуть все желающие вне зависимости от уровня образования, социального статуса, дохода, если только они разделяют данную идеологию: *“Любой, кто в ислам приходит, начинает молиться в мечети, меняет свой образ жизни, он такой же брат. Какой бы пост, какое бы образование у него ни было, он такой же человек, как примерно скажем бродяга. Абсолютно никакой разницы нету. Так же уважаем, любим”*.

Наконец, эта идеология дает оправдание протестным настроениям. С одной стороны, она позволяет осуждать общество, построенное на приоритете материального богатства, клановости, коррупции, как не соответствующее божественным установлениям. С другой стороны, противопоставляет ему общество порядка и справедливости – исламский халифат, где жизнь будет организована в соответствии с законом Всевышнего, то есть шариадом. *“Просто, вы понимаете – законы вообще, фактически,*

придумали люди. Шариат – это от Всевышнего идет. Это там – разница большая. Люди ошибаются. Вот у нас Госдума сидит там – сегодня так принимает, завтра так, а на деле у нас ничего не работает. Потому что все время вот так нестыковки идут”. Собственно, запрос на нормативность высшего порядка возникает в ситуации, когда ничто из собственного жизненного опыта не может убедить людей, что человеческие порядки способны установить действенные и справедливые “правила игры”: “Они (светская власть. – И.С.) не соблюдают, сами нарушают эти законы... Там и воровство запрещено, и то, и другое запрещено. Мы тоже это понимаем. Но они не соблюдают. Везде. Почему без конца воруют?”.

Такие разные радикалы...

Сказанное выше демонстрирует, что исламский фундаментализм на Северном Кавказе – не привнесенное извне явление: запрос на него растет из самой структуры общественных отношений в регионе. И это не та проблема, которую можно решить строительством десятка заводов и пары горнолыжных курортов. Значит ли это, что напряженность на Северном Кавказе будет сохраняться и радикализации молодежи фактически нет альтернативы? Если исходить из стереотипных представлений об исламе на Северном Кавказе, то на этот вопрос напрашивается положительный ответ. Однако насколько верны сами эти представления?

Общераспространенное представление о ситуации в исламе в регионе укладывается в следующую схему. Есть традиционный ислам, который совместим со светским государством, не несет в себе потенциала радикализма и стоит на страже консервативных ценностей. И есть нетрадиционный ислам, сторонники которого – ваххабиты – поддерживают вооруженную борьбу против существующей власти как государства неверных (либо сами участвуют в незаконных вооруженных формированиях, либо сочувствуют и готовы помогать), настроены на отделение Северного Кавказа от России и вообще готовы убить любого немусульманина. Соответственно, задача государства – всемерно поддерживать традиционный ислам и всячески выкорчевывать любые ростки исламского фундаментализма. Проблема, однако, состоит в том, что данная модель не только предельно упрощает, но и значительно искажает существующую ситуацию, давая совершенно неправильные сигналы лицам, принимающим решения в данной сфере.

Во-первых, само по себе понятие “традиционный ислам” – достаточно расплывчато. В разных регионах, у разных народов традиции в этом отношении различаются. Так, часть населения Северного Кавказа относится к ханафитскому мазхабу, часть – к шафиитскому, и эти мазхабы (толки или правовые школы в исламе) имеют определенные особенности как в правовой интерпретации ислама, так и в обрядовой части. Поэтому шафиитский мазхаб, вполне традиционный в Дагестане, может восприниматься в КЧР как проявление радикализма. Существенной спецификой обладает и суфизм – мистическое течение, предполагающее беспрекословное повиновение духовному лидеру (шейху)², причем между различными шейхами также могут существовать противоречия. Кроме того, традиционный ислам можно трактовать как “народный ислам” – систему верований, подвергшихся большому влиянию неисламских обычаев и традиций, что неприемлемо для получивших хорошее исламское образование. Наконец, под традиционным исламом часто понимают так называемый ислам официальный, то есть то направление, чьи сторонники контролируют духовное управление мусульман соответствующей республики. И хотя разные трактовки традиционного ислама часто пересекаются (например, сторонники официального ислама в целом более толерантны

² Условность отнесения того или иного направления ислама к “мирному” либо “радикальному” хорошо видна как раз на примере суфизма, который считается сугубо традиционным в настоящее время, но в эпоху имама Шамиля был идеологией борьбы с Россией в Кавказской войне.

к сохранению народных традиций), очевидно, что степень субъективизма в отнесении той или иной системы взглядов к традиционной весьма высока.

Во-вторых, что еще более важно, течения, которые принято относить к “нетрадиционному исламу”, чрезвычайно диверсифицированы по своим взглядам и жизненным позициям, и совершенно не укладываются в понятие “ваххабизм”, которым их принято описывать. Вообще терминология, которая используется для описания данной сферы, совершенно не проработана, поэтому остановимся несколько более подробно на данном вопросе.

Подавляющее большинство тех течений исламской мысли, которых обычно относят к нетрадиционному исламу, можно охарактеризовать как *исламский фундаментализм* – стремление жить по тем же правилам, по которым жили мусульмане времен Пророка и четырех праведных халифов, и отрицание любых нововведений (бида) как не соответствующих исламу. Далее я буду пользоваться именно этим термином для обозначения всей совокупности исламских взглядов, противостоящих традиционному или официальному исламу. Сейчас достаточно распространено использование в том же контексте термина *салафизм*. Но это не совсем правильно, ибо не все последователи нетрадиционного ислама относят себя к салафитам (так, сторонники Братьев-мусульман или Хизб-ут-Тахрир отделяют себя от салафитского движения).

С точки зрения отношения к политике государства исламский фундаментализм можно разделить на два крупных блока: *неполитический ислам* и *политический ислам*. Те, кого можно отнести к первому, стремятся жестко придерживаться исламских правил в частной жизни: во внешнем виде, в обрядности, в соблюдении моральных норм, в благотворительности. Они считают необходимым пропагандировать ислам собственным личным примером. Но при этом не ставят своей задачей воздействовать на изменение общественных отношений, бороться против государства, влиять на власть. С их точки зрения, мусульманин несет ответственность перед Всевышним за себя и свою семью. За ситуацию в обществе отвечает правитель.

Политический ислам, или собственно *исламизм*, характеризует готовность его сторонников так или иначе бороться за построение в будущем исламского государства – халифата. Но исламизм также внутренне не однороден. В его рамках можно выделить несколько крупных блоков. Некоторые его адепты исходят из того, что главное сейчас – осуществлять исламский призыв (даават). Тогда число мусульман будет увеличиваться, и став большинством, они смогут диктовать остальным свои правила. Другие считают, что, наряду с дааватом, важна политическая активность – протестные выступления, правозащитная деятельность. Причем и в рамках этой группы не существует единства по вопросу о том, например, допустимо ли участие в выборах в светском государстве. Но все рассмотренные позиции объединяет то, что политическая борьба должна вестись мирными средствами, предпочтительно в рамках российского законодательства. Поэтому их можно объединить под общим названием *умеренных исламистов*.

Наконец, наряду с умеренными, существуют и радикальные исламисты, призывающие к джихаду – вооруженной борьбе против государства неверных. Их правильнее всего называть *джихадистами*. Справедливости ради надо отметить, что и джихадисты не представляют монолитной массы. Среди них можно выделить придерживающихся более умеренных взглядов (недопустимость убийства мирных жителей и самоподрывов, нежелательность участия женщин в джихаде) и радикальных – когда любое убийство неверного считается благом, и все средства для этого хороши. Именно последняя позиция характерна для ИГИЛ – “Исламского государства Ирака и Леванта”, объявившего себя халифатом.

Столь же нелинейна и ситуация с сепаратизмом сторонников нетрадиционного ислама. Опять же он однозначно характерен для последователей джихада, которые стремятся построить халифат немедленно. В остальных случаях все не так очевидно. Даже в отношении умеренных исламистов, для которых халифат – идеальное государство, которое возникает в неопределенном будущем. Но пока это будущее не наступило, Северный Кав-

каз должен как-то существовать. Для этих людей язык общения во многих случаях – русский, особенно в Дагестане с его чрезвычайным этническим многообразием. Они стремятся дать детям хорошее образование, часто отправляя их в города центральной России, где сложились многочисленные кавказские диаспоры. С последними тесно связаны и бизнес-сети. Очевидно, если ориентироваться на рациональные аргументы, сохранение Северного Кавказа в составе России выгодно всем, включая умеренных исламистов, и они это осознают. Правда, в последнее время, в условиях роста антиисламских настроений, альтернативным центром притяжения становится Турция. Но все же “конкурентные преимущества” России в этом отношении до сих пор очень высоки.

С учетом всего вышеизложенного, правильно ли будет относить к экстремистам и радикалам представителей всех этих разнообразных, часто не совместимых друг с другом исламских течений? Если исходить из Конституции РФ, однозначно в противоречие с ней входят лишь джихадисты – сторонники вооруженной борьбы. Деятельность умеренных исламистов необходимо оценивать в каждом конкретном случае, в зависимости от того, вписывается ли она в требования российского законодательства. При этом само по себе стремление построить халифат в будущем не выводит умеренных исламистов за рамки правового поля. Признаваемая в рамках Конституции РФ свобода слова позволяет пропагандировать социальные идеалы, противоречащие той модели общественного устройства, которая заложена в саму Конституцию (что, собственно, делают не только исламисты, но и коммунисты, монархисты, анархисты), если это осуществляется в рамках закона. Что касается сторонников неполитического исламского фундаментализма, то, очевидно, нет никаких правовых оснований относить их к радикалам.

Критерии выбора

Коль скоро течения ислама столь многообразны, молодой человек, заинтересовавшийся им, оказывается перед выбором: к какому течению примкнуть, насколько радикально противопоставить себя существующему обществу /государству. Если он городской житель, ощущающий конфликт со старшим поколением и сталкивающийся с социальной несправедливостью, выбор одного из направлений фундаменталистского ислама очень вероятен. Но какого? На это влияет совокупность факторов. Безусловно, здесь присутствует элемент случайности. С каким “институциональным предпринимателем” столкнется юноша, впервые почувствовавший тягу к религии, или, говоря словами респондента, *“на кого первого выйдем”*, кто и как объяснит ему, что от него требует Всевышний – это момент, которым ни в коей мере нельзя пренебрегать.

Но сказать, что во всех случаях фактор случайности определяющий, нельзя. Современные молодые люди, особенно носители городской культуры, сознательно подходят к решению данной задачи, слушают проповеди в разных мечетях, общаются с различными исламскими учеными, ищут информацию в Интернете. И их осознанное решение могут предопределять различные обстоятельства. Во-первых, это факторы социализации. То, в каких условиях рос и воспитывался молодой человек, какие ценности он воспринял, не может не влиять на его выбор, даже когда речь идет о протестной идеологии. Проблемная социализация безусловно усиливает привлекательность наиболее жестких, насильственных направлений радикального ислама. Причем к ней можно отнести, например, **криминальную социализацию**. В 1990-х гг. значительная часть молодежи либо была частью криминальной среды, либо так или иначе с ней взаимодействовала. Практически в каждой республике можно выделить период, когда молодежь из криминала достаточно массово пошла в ислам. Но опыт прошлого во многих случаях не прошел бесследно: *“На чем воспитывалась молодежь – на улице, блатные, блатные эти понятия, на всем этом... Он принял ислам, молится там – это все внешняя оболочка”*.

Не менее негативную роль играет и **конфликтная социализация** – ситуация, когда с раннего возраста молодые люди растут в соответствующих условиях, видя

примеры насилия. Это оказывается для них естественной средой и не вызывает отторжения. Такое положение, например, складывается в их селах, где религиозный конфликт перешел в насильственную стадию и силовое противостояние происходит на глазах у детей и подростков: *“Рано утром заходять сапогами в дом и будят тебя в постели правоохранительные структуры. Автоматом дуло в лицо. Это все видят дети, подрастающее поколение... Маленькие дети... они видят это, они растут на этом, ... они начинают, маленькие дети уже начинают... ненавидеть правоохранительные органы”*.

Из этого напрямую вытекает еще один негативный фактор конфликтной социализации – подростковая героизация насильственного сопротивления. Студенты, старшеклассники рассматривают воинов джихада как робингуудов, борцов с несправедливостью, как пример для подражания. Такой феномен существует там, где конфликт длительный и насильственные методы активно используют обе стороны (это явственно наблюдается в Дагестане и КБР, но абсолютно не выявлено в КЧР). *“На уровне школьников сегодня уйти в лес – это на уровне тренда. Это такой же тренд, как Приора... Вы просто элементарно возьмите любого студента, возьмите сотовый телефон этого студента, все фотографии там будут – палец пистолетом... с оружием в руках... Это тренд”*, – говорит респондент. Соответственно, радикальный ислам молодеет: *“Нынешний... контингент – это ребята достаточно молодые, которые в принципе школу только успели окончить, кто, может быть, в университет поступил... серьезных мясорубок люди не прошедшие”*.

Важен и фактор соотношения “выгоды – издержки”. Мои исследования показали, что молодые люди оценивают эти вещи вполне рационально. Они стихийно или осознанно ориентируются на те варианты идеологии нетрадиционного ислама, которые максимизируют их выгоды, минимизируя издержки. Под выгодами тут подразумеваются возможности реализовывать жизненные стратегии в соответствии с идеологией ислама, а под издержками – возникающие при этом жизненные неудобства. Такого рода рациональность при выборе стратегии насильственного сопротивления выявлена и многими зарубежными учеными, исследовавшими глобальный феномен терроризма (см., например, [Crenshaw 1998, с. 11]).

Итак, если у приверженцев исламского фундаментализма нет возможности продвинуться в официальном поле, если вертикальные лифты для них перекрыты, они неизбежно будут вытеснены в протестное поле. И здесь повышается вероятность перехода к вооруженной борьбе. *“Стремится, пытается там – у него не получается, провалы... Религия тебе дает некий ответ. Ты стараешься, стараешься, стараешься – а нету, короче... И теперь, чтобы некий такой элемент реабилитации, человек просто уходит в лес, потому что там ты становишься намного выше уровня тех ребят, которые остались в городе. Там тебе не нужно ни квартиры, ни машины, есть объяснение этим вещам. Там другая система ценностей. Ты уходишь в эту систему ценностей”*. Подобные стимулы действуют особенно сильно, если мирное протестное поле не дает возможностей для самоутверждения, самореализации, для достижения своих целей: *“Они видят там, люди на митинги выходят, возьмут и разгонят его. Побьют дубинками... Зачем мне это унижение, чтобы меня кто-то там дубинками разгонял, чтобы надо мной смеялись?”*.

В целом же на вопрос о выгодах вооруженного сопротивления в данной среде сейчас, очевидно, нет однозначного ответа. Если под ними подразумевать прогресс в достижении декларируемых целей – свержение власти неверных, установление исламского государства, то применительно к России здесь бессмысленно говорить о каких-то успехах. И это постепенно начинает осознаться: *“Сейчас в открытую воевать бесполезно... Вся история показывает – уже сколько лет мусульмане воюют за власть – не получается. И у людей, у ученых, у молодежи складывается впечатление, что, значит, мы что-то не так делаем... Надо другой путь найти. Не кровавый, не военный, а другой – мирный”*.

Но во многих случаях результативность вооруженного сопротивления оценивается по совсем другим критериям: *“Если бы не было такого противостояния, вообще задушили бы полностью, наверное, мусульман. Они хоть как-то боятся же здесь, власти эти все-таки светские, понимаете... их тоже могут убить... А если не будет этого противостояния, они вообще будут полностью истреблять здесь всех, это же вообще беспредел будет. И так у них беспредел во всех местах, но они всячески себя сдерживают, боясь тех, кто в лесу, как бы наказания получается. Типа Робин Гуда”*.

Также очень важно, насколько сильно дифференцированы издержки для тех, кто реально прибегают к насилию, и тех, кто соблюдают российское законодательство, при этом следуя исламским нормам в одежде и поведении. Очевидно, что достаточно существенные издержки несут не только первые, но и вторые. Вот несколько типичных оценок: *“Дело в том, что нам не дают соблюдать ислам. Мешают... Если бороду отпускаешь, все, уже ваххабист называют... если я на машине, останавливают на каждом посту... Хиджаб тоже проблема здесь... тоже останавливают на посту”*. И когда издержки сторонников умеренного исламского фундаментализма приближаются к издержкам джихадистов, вероятность радикализации и перехода к насильственным действиям резко возрастает: *“Сейчас ребята, которые практически ушли только из-за того, что их избивают, вот вызывают... на беседы, как у них, профилактические беседы называются, и после этих бесед... они говорят, что больше туда попадать они не хотят, и им легче погибнуть на улице от одной пули, чем туда попасть”*.

Радикализация и государственная политика

Очевидно, государственная политика может существенно влиять на выбор идеологии в рамках ислама, который делает молодежь. Сейчас эта политика строится на безусловной поддержке официального ислама и активном противодействии всем формам исламского фундаментализма. Но как было сказано выше, запрос на последний – объективная реальность. Так что в целом подобная политика вряд ли может быть успешной в борьбе с молодежным радикализмом. Также ясно, что в различных северокавказских республиках эта политика имеет разные последствия. Так, особенно среди регионов Северного Кавказа в этом отношении стоит КЧР. Хотя и эта республика переживала всплески внутрисламского противостояния, приводившего к насильственным действиям, здесь удалось избежать их перехода в постоянный, долговременный конфликт. Среди факторов, способствующих снижению напряженности, можно назвать следующие:

- политика Духовного управления мусульман в КЧР направлена не на обострение, а на сглаживание конфликтов, на достижение баланса между старшим и младшим поколением. Предпринимаются усилия по интеграции молодых людей разных взглядов, возвращающихся из зарубежных религиозных учебных заведений, в официальные исламские структуры (из них создан так называемый Совет алимов – исламских ученых). Есть стремление ограничить материальные запросы имамов, которые раздражают население. Например, когда имамы берут непропорционально большие деньги либо продуктовые наборы за проведение религиозных ритуалов на свадьбах или похоронах (два имама уволены за “кульки”);

- в ситуациях возникающих конфликтов находятся медиаторы – люди, авторитетные для обеих сторон, которые могут помочь найти компромисс и не допустить углубления противостояния. При конфликтах между старыми имамами и молодежью эту роль могут выполнять члены Совета алимов. Когда ситуация доходила до насильственных действий, известны случаи посредничества между исламскими радикалами и силовиками со стороны депутатов Народного собрания, которые пришли в политику в начале 1990-х гг. в рамках еще не запрещенных тогда исламских партий;

- в республике осуществляется гораздо более жесткий, чем на других территориях, контроль за деятельностью силовых структур. В случае выявления фактов превышения полномочий виновные наказываются. И хотя проблема избиений, пыток и т.п.

полностью не решена, эти нарушения распространяются на гораздо меньшую долю исламской молодежи, чем, например, в КБР или Дагестане. Соответственно, и работники силовых структур заинтересованы в том, чтобы насилие, от которого они сами могут пострадать, в республике не возобновилось, и не стремятся защищать неправомерные методы.

Однако, очевидно, данный опыт, при всей его важности – исключение из правила. Гораздо более эффективно было бы изменить приоритеты государственной политики в данной сфере и перейти от безусловной поддержки традиционного ислама к созданию условий для усиления привлекательности умеренных, действующих в рамках закона форм исламского фундаментализма. Реализация подобной политики может осуществляться через осознанное влияние на те факторы выбора, о которых говорилось выше.

Как это ни странно, один из наиболее управляемых факторов – кажущаяся случайной первая встреча с источником исламских знаний. Естественнo, полностью неопределенность в данном вопросе преодолеть нельзя, но повысить вероятность того, что молодой человек столкнется именно с представителями умеренных фундаменталистских течений, безусловно, можно. Это существенно зависит от ситуации в информационном поле, от подходов государства к его регулированию. Очевидно, что если доступ к джихадистским взглядам будет всемерно ограничиваться и запрещаться, а доступ к мирным ненасильственным направлениям нетрадиционного ислама, напротив, не встретит особых преград, вероятность столкнуться с идеологией насильственного сопротивления снизится по сравнению с ситуацией, когда существуют запреты на религиозную литературу сугубо мирных богословов, чья позиция хоть в чем-то отличается от того, что считается традиционным исламом, а их работы практически приравниваются к джихадистским.

Кроме того, умеренные взгляды на ислам проповедуют носители идеологии мирного призыва. Если они получают достаточно широкое поле для своей деятельности, то имеют возможность привлекать к себе людей, в том числе неофитов. Если же на авторитетных проповедников ненасильственных версий нетрадиционного ислама осуществляется давление, в результате которого многие из них вынуждены либо прекратить исламский призыв, либо эмигрировать, положение дел существенно меняется. На место лидеров, открыто занимавшихся просвещением и мобилизацией исламской молодежи в рамках умеренных взглядов, приходят невнятные, теневые фигуры, что часто приводит к радикализации общин и в любом случае делает деятельность “политических предпринимателей” в этой сфере гораздо менее прозрачной. При этом в условиях тотальных запретов привлекательность радикальных исламских взглядов только возрастает: *“Интерес всегда бывает, когда запрещено. К запрещенному тянешься”*.

То же можно сказать и о соотношении выгод и издержек. Если государство дает возможность сторонникам исламского фундаментализма без особых проблем реализовать свои жизненные стратегии в официальном или хотя бы мирном протестном поле, привлекательность джихадистских, насильственных вариантов исламской идеологии неизбежно будет снижаться. В официальном поле расширить подобные возможности целесообразно следующим образом:

- прекратить ограничения на реализацию исламского образа жизни (ношение хиджабов, доступность мечетей) тех, кто не претендует на участие в политике;
- прекратить ущемление так называемого “салафитского бизнеса”: люди, имеющие свое дело, гораздо менее склонны к радикализации – им есть что терять;
- предоставить доступ религиозной молодежи наравне со светской к серьезным образовательным программам: узость кругозора – один из важнейших факторов радикализации; одновременно доступ к образованию – важный социальный лифт;
- привлекать этот сегмент молодежи к общественно полезным инициативам в тех сферах, которые могут быть для них интересны – городской активизм, борьба с общественными пороками (пьянством, алкоголизмом), поскольку замкнутость подобных сообществ – один из серьезных источников радикализма.

Кроме того, необходимо создавать благоприятные условия для реализации исламской молодежи в умеренном протестном поле, в том числе: в сфере гражданской журналистики; в правозащитной деятельности; в политической деятельности, осуществляемой в рамках закона. Понимание того, что собственные цели и интересы в разумных границах можно реализовывать, не прибегая к насилию и запугиванию, существенно снизит оценку выгод вооруженного сопротивления для значительной части исламской молодежи.

Можно ли утверждать, что, реализуя такую программу, государство способно полностью решить проблему радикализма на Северном Кавказе? Наверное, это было бы преувеличением. В условиях социального перелома, который происходит сейчас в регионе, когда ранее достаточно традиционное общество оказывается охваченным процессами урбанизации и глобализации, усиление конфликтности объективно. Модернизационные процессы неизбежно будут генерировать социальные слои, не способные адаптироваться к новой реальности, и они будут склонны к насильственному сопротивлению той действительности, где для них нет никаких шансов к продвижению: *“Маргиналы... Есть некоторые районы в Махачкале... Ну не трущобы, но очень поганые там пятиэтажки, неблагоустроенные, там очень дешевое жилье... Целыми домами оттуда... все молодые оказывались на той стороне”*.

Однако при изменении государственной политики масштабы подобных насильственных действий существенно снизятся; стремящиеся к образованию и самореализации представители исламского фундаментализма смогут участвовать в позитивной деятельности, способствующей экономическому и гражданскому развитию республик Северного Кавказа.

Что дальше?

Вопреки вышеизложенному, в последнее время создается впечатление, что силовая модель реально позволяет решить проблему исламского радикализма. Уровень насилия на Северном Кавказе существенно снизился, подполье ослабло, лидеры боевиков регулярно уничтожаются. Значит ли это, что приведенная выше аргументация в пользу изменения государственной политики неубедительна?

На самом деле, любой длительный насильственный конфликт несет в себе потенциал двух противонаправленных процессов. С одной стороны, это тенденция к углублению, дальнейшему разворачиванию конфронтации. Она связана с так называемым замкнутым кругом или спиралью насилия. Каждый ее акт порождает новые жертвы, новых мучеников, новые поводы для ненависти и мести хотя бы с одной, а обычно с обеих сторон противостояния. Это усиливает мотивацию к продолжению насилия теми, кто уже втянуты в конфликт, а также способствует включению в его орбиту новых людей. Разрастание напряженности происходит параллельно с ужесточением форм ее проявления, поскольку длительно существующий конфликт порождает такой феномен, как “культура насилия”. Насильственные действия как таковые (вне зависимости от исходных причин конфликта) все более легитимизируются и становятся все менее избирательными. Прекрасную формулировку мотивации к разрастанию насилия дал Г. Дерлугьян: “Люди не становятся убийцами в одночасье. Для этого требуется эмоциональная брутализация, мотивируемая страхом за себя, местью за своих и дегуманизацией образа противника, к которому перестают применяться человеческие нормы” [Дерлугьян 2010, с. 39–40].

Далее, когда в конфликт уже вложены значительные силы и средства, его прекращение как бы обесценивает все прошлые издержки и жертвы его участников. Сохранение же конфликта позволяет придать смысл прошлой деятельности, продолжая ее в будущем. И эти факторы могут с какого-то момента играть более важную роль, чем изначальные ценностные различия, противостояние интересов или борьба за ресурсы. Именно они способствуют продолжению насильственных, террористических действий даже тогда, когда могут быть устранены исходные причины, повлекшие за собой проявления насилия [Bjorgo 2007, p. 260].

На Северном Кавказе фактор замкнутого круга насилия действует в отношении уходящих в “лес” исламских радикалов, когда насилие в первую очередь – инструмент личной мести: *“Лес мотивированно подкрепляется каким образом: ты мстишь, тут чувство играет”*. Но этот же фактор работает в отношении силовиков, которых он провоцирует к неизбирательному насилию в отношении всех исламских фундаменталистов и систематическому превышению своих полномочий.

Но с другой стороны, насилие порождает и противоположную тенденцию – к угасанию, исчерпанию конфликта. Ресурсы активного противостояния оказываются не безграничны. Наиболее активные сторонники насилия рано или поздно бывают уничтожены. Люди устают от постоянного напряжения, им хочется более спокойной и комфортной жизни: *“Мне, честно говоря, религиозные разногласия и то, что здесь происходит, уже надоело это все мне, у меня на второй план в данный момент. Вот этот свет я хочу, чтобы хороший был. Вода, которую я пью, например, я хочу, чтобы там, где водохранилище... чтоб вот эти (очистные) сооружения. – И.С.) поставили, я хочу, чтобы нормальный ток провели... в селении”*.

Усталость от противостояния, стремление к нормализации жизни чувствуются сейчас на Северном Кавказе очень сильно. И тем не менее достигнутое равновесие, очевидно, достаточно неустойчиво. Во-первых, противоречивое действие оказывает фактор ИГИЛ. С одной стороны, он оттягивает радикальную северокавказскую молодежь за пределы страны, уменьшая напряженность внутри. С другой стороны, отказ от каких бы то ни было общечивилизационных принципов в сочетании с подпитываемой им верой в близкое конечное торжество ислама, судя по всему, способствует скрытой радикализации, которая пока не проявляется в каких-либо действиях, но может выплеснуться на поверхность при изменении ситуации.

Во-вторых, усталость – фактор временный. В условиях продолжения давления на мусульман в любом случае если не это, то следующее поколение, не испытывавшее на себе в полной мере тягот длительного противостояния, может вернуться к открытому насильственному конфликту как базовой стратегии. И все издержки предшествующего периода могут повториться.

Наконец, в-третьих, усталость и отчужденность – не тот социальный фон, который может способствовать позитивным изменениям на Северном Кавказе. Необходимо признать, что на сегодня значительная часть тамошней молодежи, в первую очередь городской, придерживается нетрадиционного ислама. И во многом это социально активная прослойка людей, не равнодушных к будущему той территории, где они проживают, заинтересованных в развитии образования, культуры поведения, урегулировании конфликтов. И вопрос не просто в том, чтобы нейтрализовать эту энергию, но в том, чтобы использовать ее для решения созидательных задач. Без принципиального изменения политики в этой сфере такой поворот вряд ли осуществим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дерлугьян Г. (2010) Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миротворческой перспективе. М.: Издательский дом “Территория будущего”.
- Дюркгейм Э. (1994) Самоубийство. Социологический этюд. М.: Мысль.
- Стародубровская И.В., Казенин К.И. (2014) Северокавказские города: территория конфликтов // Общественные науки и современность. № 6. С. 70–82.
- Bjorgo T. (2007) Conclusions // Root Causes of Terrorism: Myths, Reality and Ways Forward. London–New York: Routledge, pp. 256–266.
- Crenshaw M. (1998) The Logic of Terrorism: Terrorism Behavior as a Product of Strategic Choice // Origins of Terrorism. Washington: Woodrow Wilson Center Press.
- Merari A. (2007) Social, Organizational and Psychological Factors in Suicide Terrorism // Root Causes of Terrorism: Myths, reality and ways forward. London–New York: Routledge, pp. 70–86.
- Reinares F. (2007) Nationalist Separatism and Terrorism in Comparative Perspective // Root Causes of Terrorism: Myths, Reality and Ways Forward. London–New York: Routledge, pp. 119–130.

How to Fight Youth Radicalism in the North Caucasus?

I. STARODUBROVSKAYA*

* **Starodubrovskaya Irina** – candidate of sciences (Economics), head of scientific field “Political Economy and Regional Development”, Gaidar Institute for Economic Policy. Address: 3, bld. 5, Gazetny per., Moscow, 125009, Russian Federation. E-mail: irinas@iet.ru.

Abstract

The paper analyzes the possibilities of resistance to Islamic radicalization of youth in the North Caucasus. The outcome of the extensive field work is that adherence of youth to Islamic fundamentalism is not the result of external influence; it is generated by internal social structure of society in the process of social modernization. But the real danger is not the Islamic fundamentalism per se, which by itself is very heterogeneous, but its most aggressive political version – jihadism. The state can't by the policy of support for traditional Islam eradicate the attractiveness of fundamentalist views, but it can actively influence the choice of the youth between more moderate and more radical versions of Islamic fundamentalism. The change of state policy in this area should be oriented for this very purpose.

Keywords: Islamic fundamentalism, Islamism, jihadism, anomie, generation conflict, vicious circle of violence.

REFERENCES

- Bjorgo T. (2007) Conclusions. *Root Causes of Terrorism: Myths, Reality and Ways Forward*. London–New York: Routledge, pp. 256–266.
- Crenshaw M. (1998) The Logic of Terrorism: Terrorism Behavior as a Product of Strategic Choice. *Origins of Terrorism*. Washington: Woodrow Wilson Center Press.
- Derlug'yan G. (2010) *Adept Burd'e na Kavkaze. Eskizy k biografii v mirosistemnoj perspektive* [Adept Bourdieu in the Caucasus. Sketches for the biography in the world-system perspective]. Moscow: Izdatel'skij dom “Territoriya budushchego”.
- Durkheim E. (1994) *Samoubijstvo: Sociologicheskij ehtyud* [Suicide: a study in sociology]. Moscow: Mysl'.
- Merari A. (2007) Social, Organizational and Psychological Factors in Suicide Terrorism. *Root Causes of Terrorism: Myths, Reality and Ways Forward*. London–New York: Routledge, pp. 70–86.
- Reinares F. (2007) Nationalist Separatism and Terrorism in Comparative Perspective. *Root Causes of Terrorism: Myths, Reality and Ways Forward*. London–New York: Routledge, pp. 119–130.
- Starodubrovskaya I., Kazein K. (2014) Severokavkazskie goroda: territoriya konfliktov [North Caucasus Cities: Territory of Conflicts]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 70–82.

© И. Стародубровская, 2015